

ского фронта встретил нас, образно говоря, на марше. Не просто было найти этот полк – столь стремительно шло наступление через Польшу, а затем Германию. Боевые будни вряд ли чем-то отличались от того, что уже неоднократно описывалось заслуженными ветеранами штурмовой авиации, которые прошли от начала до конца войны в отличие от нас, имеющих неполный, с учетом нахождения «в резерве Ставки Верховного Главнокомандующего» и «отлежки» в госпиталях, годичный фронтной «стаж».

Конечно, для каждого есть свои точки отсчета, которые врезались в память. Для меня это – штурм города Радом, за что полку было присвоено звание Радомский, освобождение городов Лодзь, Познань и Варшава, взятие крепости Кюстрин, городов Штрагард, Наугард, Польцин, разгром берлинской группы немецких войск и взятие Берлина. Незабываемыми, естественно, были не только бои и фронтовые будни, не только стремительное продвижение по точкам немецких аэродромов так, что за нами не поспевали БАО (батальоны аэродромного обслуживания) и приходилось выполнять не только свои, но и «обеспечительные» обязанности по обслуживанию, оборудованию, охране мест расположения эскадрильи. Были и праздники, в большей мере посвященные не собственным успехам и победам, а праздники всей страны – освобождение наших городов воспринимались как истинно наши, свои победы, не говоря уже о Великой Победе, которую мы встретили под Берлином и «всеошно» отпраздновали с 8 на 9 мая, тогда, когда наш народ еще не знал об окончании войны.

Полк остался в Группе Советских оккупационных войск в Германии. Появилось свободное время, особенно в начале оккупационного периода. Возникло, помню, у многих из нас желание получить прерванное войной образование. Я посещал десятый класс организованной в дивизии школы, затем закончил дивизионную партшколу (после войны я был избран комсоргом полка и непродолжительное время – и.о.помощника начальника политуправления дивизии по комсомолу). Однако о демобилизации были только разговоры с одновременными уговорами продолжить авиационное или партийно-политическое образование. Но оставалась мечта – вернуться в родной город.

Эта мечта осуществилась неожиданно. По послевоенным медицинским показаниям с учетом ранений я был признан негодным к службе в штурмовой авиации...

Одесса встретила меня развалинами, известиями о гибели практически всего мальчишеского состава нашего класса, моих «домовых» друзей,

материнской любовью и большими надеждами на будущее, а также запомнившейся мне тушеной капустой и пайковым хлебом. Я был счастлив тем, что остался жив, что мог бегать по памятным с детства местам, встречаться с теми, кто остался в городе или вернулся с войны. Но жизнь есть жизнь и только памятью не проживешь. Недолгая работа в аэроклубе, затем в сельском райкоме комсомола, возвращение в город, работа токарем на заводе, окончание десятого класса вечерней школы рабочей молодежи №9 и сложившееся, в общем-то невеселое откуда взявшееся, страстное желание стать юристом. Несмотря на фронтовые льготы и достаточно высокие оценки на вступительных экзаменах, поступление в университет оказалось небеспрепятственным. Не хочется вспоминать сейчас позицию ректора тех времен, но имя декана юридического факультета на многие годы останется в моей памяти. Это был И.Е.Середа, поддержавший меня в тот сложный час и не однажды в последующие годы помогавший мне.

После окончания университета и непродолжительной работы в городской прокуратуре я в течение почти двух десятков лет был офицером милиции, дослужился до звания полковника, получил большой опыт юридической работы и научился многому, что характерно для милицейской жизни. Но главное было впереди.

Незаметно для меня появилось своеобразное стремление самовыражения. Без особых карьеристских или иных стимулов я с большим удовлетворением работал (по совместительству) в Одесском филиале Всесоюзного юридического института (ВЮЗИ), подготовил несколько публикаций, которые не остались незамеченными, и ректор ВЮЗИ профессор К.А. Мокичев предложил мне аспирантуру в Москве, в дальнейшем стал моим научным руководителем. Благодаря кандидатской диссертации я встретился еще с одним замечательным человеком – профессором П.Е. Недбайло, известным ученым, оригинальным исследователем, в то время – постоянным представителем Украины в ООН.

Мой окончательный переход на научно-педагогическую работу не состоялся бы, если бы я не встретил упомянутых мною и безвременно ушедших от нас людей, а также А.П. Чередниченко, бывшего в то время секретарем обкома КПУ.

Дальнейшая моя работа в Одесском государственном университете и Одесской государственной юридической академии (ныне – Национальный университет «Одесская юридическая академия») проходила при постоянной поддержке ректоров этих учебных заведений – профессоров В.В. Сердюка, И.П. Зелинского, С.В. Кивалова, думается, естест-

